

ЛОГИН НИКОЛАЕВИЧ БОЛЬШЕВ

Василий Александрович Нащокин (1707–1759[?]) в «Записках»¹, не предназначавшихся для печати, но изданных в С.-Петербурге в 1842, писал: «В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и послан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжелой болезни и просил всемилостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре. Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей.

И так я об оном описал, как подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать».

Эти же очень простые, но великолепные в своей простоте слова с полным основанием я могу сказать и о своем первом научном руководителе, члене-корреспонденте АН СССР Логине Николаевиче Большеве (6.3.1922–29.8.1978).

* Малиновский Всеволод Константинович – доктор физ.-мат. наук, профессор. Прямой потомок в VI-м поколении участника Отечественной войны 1812 г., Бородинского сражения и заграничных походов 1813–1814 гг. барона Антона Андреевича Шлиппенбаха.

Избранные труды² Логина Николаевича Большева были изданы после его смерти, в 1987 г. В предисловии к этому изданию говорится: «Пройдя обучение в военно-авиационной школе, Л.Н. Большев до конца Великой Отечественной войны участвовал в боевых действиях в качестве летчика-истребителя. В 1946 г. он поступил на механико-математический факультет МГУ, который окончил в 1951 г., будучи учеником А.Н. Колмогорова. В то время А.Н. Колмогоров возглавлял Отдел теории вероятностей и математической статистики Математического института АН СССР, сотрудником которого стал Л.Н. Большев по окончании университета. В дальнейшем Логин Николаевич всегда сочетал работу в институте с преподаванием в Московском университете.

В 1955 г. Л.Н. Большев защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу проверки некоторых сложных статистических гипотез», а в 1966 г. – докторскую диссертацию «Преобразования случайных величин». Как один из ведущих специалистов нашей страны по теории вероятностей и математической статистике, он с 1966 г. был руководителем Отдела математической статистики МИАНа. В 1974 г. Л.Н. Большев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР...

Для работ Л.Н. Большева характерно сочетание высокого математического уровня с направленностью на практические приложения математической статистики. В его математических работах понимание потребностей приложений определяло постановки статистических задач и форму окончательных результатов, удобную для практического применения. В работах Л.Н. Большева много численных примеров, демонстрирующих точность полученных приближенных формул или характер вычислений, возникающих при применении предлагаемых статистических процедур».

Почему эти сведения вошли в настоящий сборник? Потому, что Л.Н. Большев – прямой потомок в 5-м поколении по мужской и женской линиям генерал-майора Карла Фёдоровича, барона Клодта фон Юргенсбурга³, участника Бородинского сражения и заграничных походов 1813–1814 гг.

Этот факт был документально установлен вдовой Логина Николаевича, Клавдией Петровной Большевой⁴, которая, уже после его смерти, проводила большую часть своего времени в архивных поисках. Этим она старалась уменьшить боль утраты, хотя и было заметно, что ей это, увы, не очень-то удавалось.

Догадывались ли мы, студенты и аспиранты, которые промеж себя именовались «большевиками», о необычном происхождении нашего любимого учителя? Не о деталях. Но да. Безусловно, да. Это был необыкновенный человек.

Во-первых, «стекловский⁵ доктор», член-корреспондент «большой» Академии наук (напомню, что в каждой союзной республике, кроме РСФСР, были «маленькие» академии) – это само по себе было характеристикой внушительной.

«Большев не бросает своих учеников» – эта фраза ходила в коридорах факультета ВМиК МГУ, где Логин Николаевич последние годы преподавал. Причем «не бросает» – не значит примитивной протекции. Это значит, что он заботится о росте тех, с кем согласился работать, и входит в детали их работы.

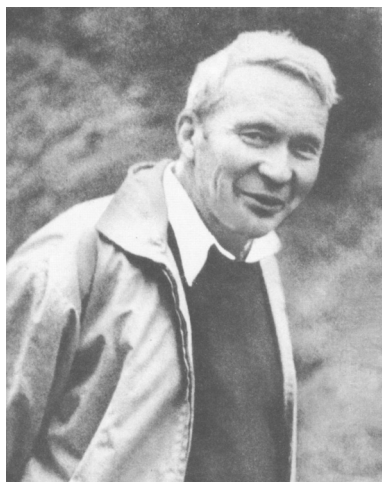
Стиль общения тоже был «нестандартный»: пятнадцать минут разговора о математике, причем этого хватало для четкой постановки очередного шага в работе или для объяснения непонятого, а потом минут тридцать «вкусного» рассказа об истории России, Литвы, и проч., и проч.

«Это тебе Лога показал?» – спросил меня как-то лет через двадцать после смерти Логина Николаевича один коллега, когда речь зашла о доказательстве комбинаторного тождества с использованием случайного блуждания по целочисленной решетке. Да, этот прием мне показал он.

«Большев пишет правой и левой рукой одинаково и каллиграфически» – это тоже было известно всем, кто хоть раз посетил его лекцию. Лектор менял руку часто, что никак не сказывалось на записанном мелом тексте. Его не надо было просить, как иногда просили студенты лекторов, «писать слева направо и сверху вниз».

Рисунок Л.Н. Большева

Фотография А.Н. Колмогорова

«Большев рисует как настоящий художник» – да, это тоже было так. На Мехмате, в одной из поточных аудиторий, и сейчас висит медная дощечка, на которой выгравирован портрет академика А.Н. Колмогорова. Это – гравировка портрета Андрея Николаевича с рисунка, сделанного Л.Н. Большевым для себя

(не на выставку, упаси Боже) то-ли тушью, то-ли чернилами. Обычно он рисовал на письмах, на листах бумаги. Причем именно на листах, а не на клочках: писать на цельном листе бумаги, и только на его лицевой стороне, было первой рекомендацией Логина Николаевича, к которому я подошел, будучи четвертокурсником, подкараулив его как-то на улице (на нашем курсе лекций он не читал) и попросив задачу (задачу я получил; так началось наше знакомство). Итак, Колмогоров изображен в три четверти, и изображение состоит из нескольких пятен причудливой формы, образующих чуть-чуть – то ли застенчиво, то ли хитро – улыбающееся, известное всем математикам лицо с небольшим хохолком.

«Большев – ученик Колмогорова». Это говорило о многом. Но, как я узнал позднее, Большев был ученик, имеющий собственное мнение: по рассказам коллег, Колмогоров одно время не был особенно доволен слишком тесным контактом Большева (заметим, что Большев был великолепный аналитик) с практиками – медиками, прикладными статистиками, геодезистами, специалистами по надежности. Однако именно практическая направленность и опытность Л.Н. Большева в работе с заказчиками «от земли» или «от сохи», как их называли, стали его козырями.

Совместный труд Л.Н. Большева с членом-корреспондентом АН СССР С.В. Смирновым (непараметрический критерий Колмогорова–Смирнова назван в честь именно этого Смирнова), классические «Таблицы математической статистики», вышедшие из печати в 1965 г. и впоследствии несколько раз переиздававшиеся (последнее издание – 1983 г.), были составлены на калькуляторах (компьютеров в современном смысле тогда не было). Мастерство вычислителя (наши специалисты были «впереди планеты всей») вполне окупало отсутствие современных вычислительных мощностей.

Рассказывают, что Л.Н. Большева как-то попросили разобраться с несоответствием результатов тестирования надежности переключателей телевизионных программ в продукции завода в Паневежисе (Литовская ССР; завод выпускал телевизоры). Эти результаты были «в пользу» переключателей, чему противоречили многочисленные нарекания населения, жаловавшегося на именно их частые поломки. Существо несоответствия Л.Н. Большев нашел. Оно было не в неправильных формулах, а в том, что при тестировании к переключателям подключали что-то вроде дрели и вращали их очень быстро. При этом образовывалось что-то вроде смазки и картина быстрого вращения сильно отличалась от многократных, но разделенных по времени, вращений при переключении с программы на программу, как это бывает в обычной жизни.

С Литвой Л.Н. Большева связывало и то, что многие его аспиранты были литовцами (аспирантами Большева, помимо русских, были грузины, узбеки – к

нему стремились отовсюду и работа с республиками СССР была в традициях Стекловки). В советское время Вильнюсская школа теории вероятностей была одной из важнейших наряду с Московской, Ленинградской, Новосибирской, Киевской, Тбилисской, Ташкентской и в Вильнюсе регулярно проходили международные конференции по этой науке. Это были настоящие праздники вероятностников и статистиков.

Только ли за научный авторитет был любим Л.Н. Большев в Литве? Нет. Из уст в уста – как рассказы о героях – ходила история о том, что научный руководитель Юлоса Круописа, выступая в Вильнюсе на защите его кандидатской диссертации, произнес всю свою речь по-литовски⁶. Это был, конечно, Логин Николаевич Большев, литовского языка не знавший, но специально выучивший свою речь по-литовски наизусть, чтобы произнести ее на языке хозяев.

Логин Николаевич много – без перерыва – курил. Он умер от рака. «Тут в палате все думают, что рак у всех остальных, но только не у них самих» – шутил Логин Николаевич, когда несколько учеников навещали его в «блехинвальде»⁷ (онкологический центр).

Логин Николаевич Большев похоронен в Москве, на Новокунцевском кладбище, под большим камнем-валуном красного гранита. Вечная ему память.

Примечания

¹ Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. В.А. Нащокин (7 янв. 1707 – 1759/60/61[?]) – генерал-лейтенант; с 1830 г. офицер л.-гв. Измайловского полка. Пользовался особым расположением императрицы Елизаветы Петровны, которая крестила его старшего сына и пожаловала ему чин секунд-майора л.-гв. Измайловского полка. Участник многих походов и сражений (1737, 1738 и 1739 гг.).

² *Большев Л.Н.* Избранные труды. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: «Наука», 1987.

³ Карл Федорович Клодт фон Юргенсбург (25.7.1765–23.7.1822) – барон, с 1814 г. генерал-майор. Из лифляндских дворян. В кампанию 1812 г. – обер-квартирмейстер 7-го пехотного корпуса, находился в сражениях и боях под Салтановкой, Смоленском, Шевардином, Бородином, Тарутином, Малоярославцем. Был известен как талантливый рисовальщик. Награжден орденами Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й ст. с алмазами, золотой шпагой с надписью «За храбрость».

⁴ Клавдия Петровна Большева (Иванова) скончалась 17 мая 2006 г.

⁵ «Стекловка» – Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР.

⁶ Заметим, что литовский язык – один из самых сложных и своеобразных европейских языков, не похожий ни на славянские, ни на романские, ни на германские языки.

⁷ Онкологический центр тогда возглавлял академик Блохин.